

проповѣди на праздники въ честь святыхъ и на разные случаи; а потому и относящіяся сюда миниатюры представляютъ значительное разнообразіе. Греческихъ кодексовъ словъ Григорія Богослова дошло до насъ не мало; лучший изъ нихъ въ отношеніи художественномъ и древнѣйшій—это кодексъ національной бібліотеки въ Парижѣ IX вѣка (№ 510). Уже Монфоконъ въ своей Палеографіи замѣтилъ, что этотъ кодексъ не уступитъ никакому другому въ великолѣпіи и красотѣ, въ блескѣ золота, украшающаго его миниатюры (числомъ свыше 40) и ини-

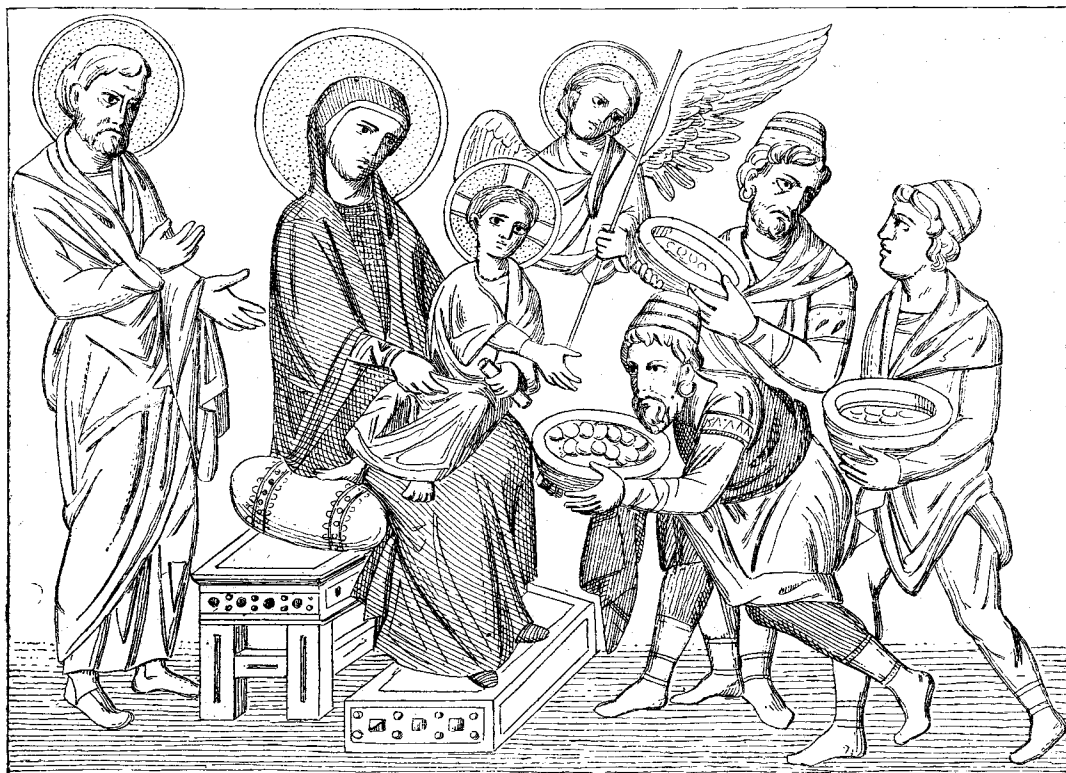

Рис. 114. Миниатюра код. Григорія Б.—поклоненіе волхвовъ.

ціалы, и предположилъ, что онъ изготовленъ былъ для императора Василя Македонянина и находился во владѣніи этого послѣдняго; доказательствомъ тому служатъ также и находящіяся въ этомъ кодексѣ изображенія Василя Македонянина и его семейства. Новѣйшіе историки искусства Вагенъ и Кондаковъ также съ большою похвалою отзываются о художественныхъ достоинствахъ этого кодекса, хотя въ немъ находятся, безъ сомнѣнія, и свои недостатки. «Рукопись эта, по словамъ послѣдняго изъ названныхъ историковъ, представляетъ, несомнѣнно, одно изъ удивительныхъ произведеній миниатюрнаго иску-

ства; богатство ея украшений должно происходить отъ непосредственнаго участія двора; весьма вѣроятно даже, что она изготовлена царскими миниатюристами. Этому соотвѣтствуютъ и необыкновенно развитая техника, и блескъ красокъ и поразительное искусство въ распредѣленіи тѣней и свѣта, роскошь костюмовъ и деталей; драпировки поражаютъ чисто-классическимъ характеромъ, хотя и заимствованнымъ съ другихъ оригиналовъ иного образца и даже иного размѣра; тѣло полное и здоровое, лица округлыя съ деликатнымъ выраженіемъ, движенія легкія и граціозныя,—все это обнаруживаетъ тонкій и воспитан-

Рис. 115. Мин. код. Григорія Б.—избіеніе младенцевъ.

ный вкусъ ¹⁾: Изображеніе Срѣтенія Господня здѣсь не имѣетъ еще того церемональнаго характера, какой сообщенъ ему въ извѣстномъ ватиканскомъ минологіи X вѣка; вся сцена дышетъ спокойствіемъ и идиллическою простотою; типы и костюмы все еще напоминаютъ антикъ, а въ изображеніи купольнаго киворія переданы характерныя черты киворія византійскихъ храмовъ. Большею церемонально-стью и идеализаціею отличается картина поклоненія волхвовъ (рис. 114): дѣйствіе происходитъ не въ пещерѣ, а Божественный Младенецъ—въ возрастѣ 2—3 лѣтъ, каковыя подробности даютъ ясно понять, что по

¹⁾ Hist. de l'art byzant., p. 58—59.

представленію этого миниатюриста событіе поклоненія волхвовъ послѣдовало спустя долгое время послѣ рождества Христова. Богоматерь, подобно царицѣ, въ багряныхъ одеждахъ сидитъ на золотомъ тронѣ съ золотымъ подножіемъ; три волхва разныхъ возрастовъ, въ фригійскихъ костюмахъ, съ дарами въ рукахъ, въ разнообразныхъ позахъ; на заднемъ планѣ ангелъ съ жезломъ: быть можетъ, подь формою этого ангела художникъ хотѣлъ указать на путеводную звѣзду волхвовъ, подобно тому, какъ изъясняли значеніе звѣзды (въ смыслѣ ангела) Теодоръ Студитъ, Теофилактъ болгарскій и др. Въ столь же

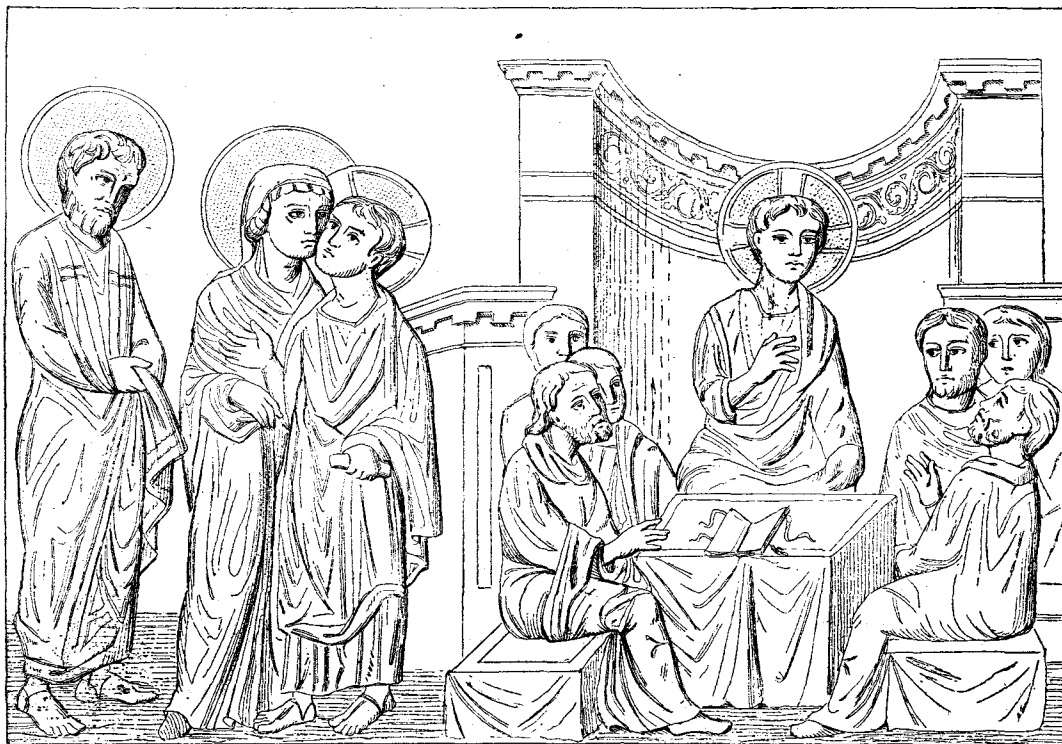

Рис. 116. Мин. код. Григорія Б.—двѣнадцатилѣтній І. Х. въ храмѣ іерусалискомъ.

торжественной и церемоніальной сценѣ представлено и избіеніе вилеемскихъ младенцевъ (рис. 115): Иродъ въ одеждахъ византійскаго императора, въ византійской діадимѣ съ крестомъ, на византійскомъ тронѣ; свита его также въ византійскихъ костюмахъ; вдали видна пещера и въ ней прав. Елизавета съ младенцемъ І. Предтечею: эта послѣдняя подробность совсѣмъ неизвѣстна по памятникамъ древнѣйшаго времени; она основывается на древнемъ преданіи, которое сообщаетъ, что І. Предтеча, во время избіенія младенцевъ, скрывался съ своею матерью въ пещерѣ. Превосходно изображеніе 12-лѣтняго І. Христа

въ храмѣ іерусалимскомъ (рис. 116): Спаситель отрокъ съ прекрасными чертами лица, въ багряной туникѣ и имати, сидитъ на каедрѣ; предъ Нимъ на столѣ раскрытая книга; по сторонамъ стола сидятъ еврейскіе учителя и съ изумленіемъ слушаютъ необычныя рѣчи. Дѣйствіе происходитъ въ храмѣ, причемъ каедръ Спасителя помѣщена въ апсидѣ, скопированной, очевидно; съ апсиды христіанскаго храма. Налѣво Богоматерь съ нѣжностію обнимаетъ Сына, найденнаго ею послѣ трехдневной разлуки; позади Богоматери—Іосифъ, молчаливый свидѣтель происходящаго.—Преображеніе І. Христа (рис. 117) въ обычномъ иконописномъ переводѣ, установившемся уже съ VI вѣка. Исцѣленіе слѣпого (рис. 118) въ двухъ

Рис. 117. Мнн. кодекса Григорія Б. № 510.

моментахъ — прикосновенія І. Христа къ глазамъ и омовенія слѣпца въ силоамской купели: сцена идеализирована; ангель жезломъ возмущаетъ воду, а купель имѣетъ форму креста, удержанную въ позднѣйшей русской иконографіи и указывающую на чудодѣйственную силу креста Христова. Тутъ же лепта вдовицы. Бесѣда съ самарянкою (рис. 119) — сцена очень живая и глубоко продуманная художникомъ: самарянка красивая молодая женщина, въ раззолоченной туникѣ, съ бѣлою повязкою на головѣ, вся поглощена рѣчью

І. Христа; вода и колодець какъ будто забыты. Очень красиво скомпонована сцена исцѣленія разслабленнаго (рис. 120), спускаемаго сквозь кровлю внутрь дома. Воскрешеніе дочери Іаира: Іаиръ въ багряномъ плащѣ и въ короткой безрукавкѣ стоитъ предъ І. Христомъ; позади него—воины въ латахъ. Направо на роскошной постели лежитъ дочь Іаира; предъ нею служанка съ опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ. Призваніе апостоловъ въ обычной иконописной схемѣ, зародившейся въ византійской иконографіи въ VI вѣкѣ. Чудо умноженія хлѣбовъ напоминаетъ основными формами изображенія того же чуда въ скульптурѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ, но схема саркофаговъ здѣсь расширена чрезъ прибавленіе двухъ группъ народа

и 12 коробовъ остатковъ. Воскрешеніе Лазаря (рис. 121) въ цѣломъ сходно съ такимъ же изображеніемъ въ памятникахъ древне-христіанскаго періода: І. Христосъ обращается съ жестомъ къ Лазарю, стоящему въ дверяхъ *пещеры*; у ногъ Его Марѳа и Марія. Входъ І. Христа въ Іерусалимъ: І. Христосъ съ благословляющею десницею, на убогомъ ослѣ, приближается къ Іерусалиму, изъ воротъ котораго выступаетъ на встрѣчу Ему толпа народа съ пальмами въ рукахъ; возлѣ І. Христа— группа апостоловъ. Снятіе тѣла І. Христа съ креста и положеніе во гробъ повторяютъ обычную византійскую схему этихъ изображеній.

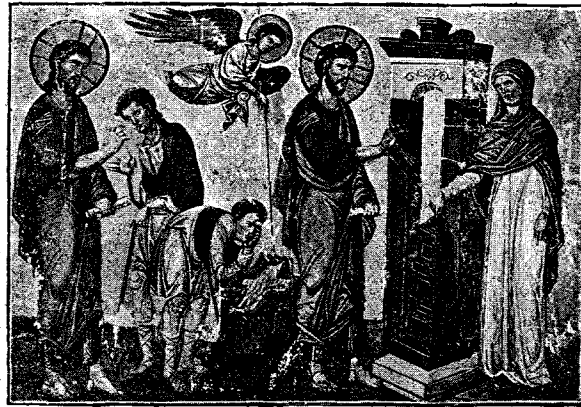

Рис. 118. Мин. кодекса Григорія В. № 51.

Сшествіе Св. Духа на апостоловъ (рис. 122) представляетъ собою одно изъ древнѣйшихъ и лучшихъ изображеній этого событія: дѣйствіе происходитъ въ помѣщеніи, напоминающемъ алтарную апсиду

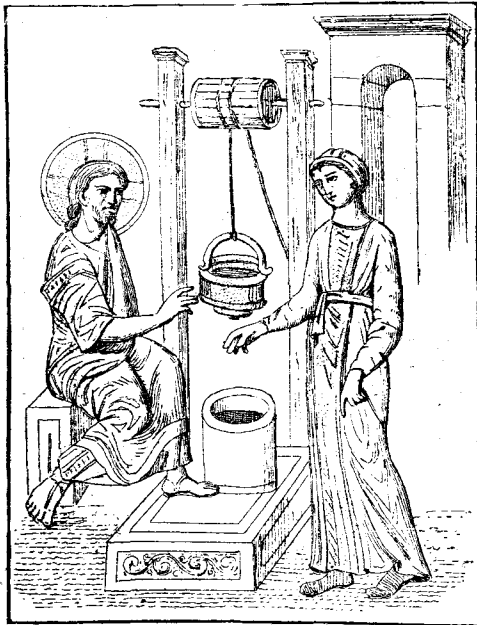

Рис. 119. Мин. кодекса Григорія В. № 510.

Рис. 120. Мин. кодекса Григорія В. № 150.

византійскаго храма. Двѣнадцать апостоловъ соединены въ красивой группѣ, иные изъ нихъ съ книгами въ рукахъ, другіе со свитками и жезлами; вверху надъ апостолами голубое небо въ видѣ сферы, въ которой находится золотой тронъ съ багряною подушкою и книгою въ золотомъ окладѣ; на книгѣ Св. Духъ; отъ трона исходятъ на главы апостоловъ бѣлые лучи съ красными языками; внизу двѣ группы племенъ и народовъ, о которыхъ говоритъ Григорій Богословъ въ своемъ словѣ на пятидесятницу: изъ миниатюръ рукописей Григорія Богослова

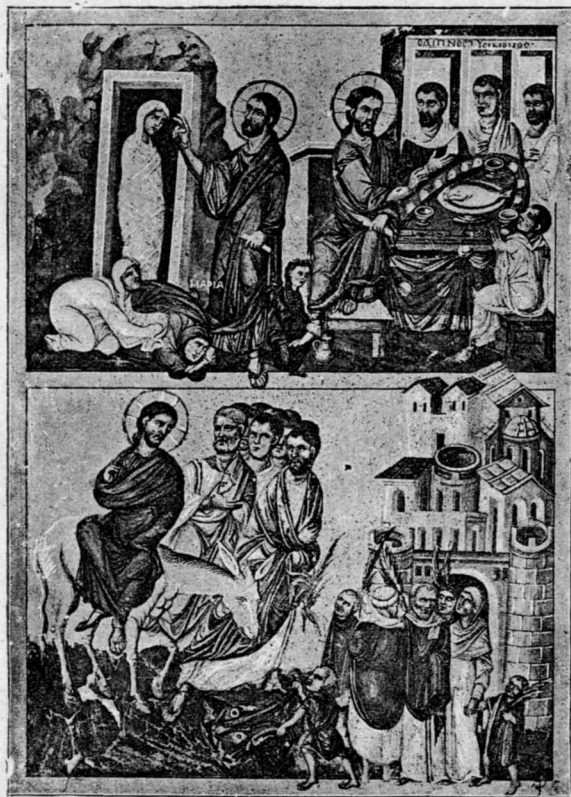

Рис. 121. Мин. кодекса Григорія Б. № 510.

Отъ IX—X в.в. дошли до насъ первые лицевые минологіи. Древній греческій минологій по своему содержанію напоминаетъ русскій прологъ, или греческій синаксарь, въ которомъ заключаются краткія житія святыхъ. Происхожденіе такихъ минологіевъ относится къ глубокой христіанской древности: по всей вѣроятности, на первыхъ порахъ составлялись христіанами отрывочныя записи о жизни того или другаго святого, а потомъ съ теченіемъ времени всѣ эти отрывки со-

особенность эта перешла и въ другіе памятники византійской иконографіи: отголосокъ ея встрѣчается въ фигурѣ царя—космоса на русскихъ изображеніяхъ того же событія.—Лицевые кодексы словъ Григорія Б. были довольно распространены въ Византіи. Циклы иконографическіе въ нихъ очень разнообразны: здѣсь впервые появляются сюжеты—поставленіе епископа, отпѣваніе умершаго, въ которыхъ можно находить нѣкоторыя данныя для исторіи церковнаго обряда, одежды, внутренняго убранства византійскихъ храмовъ, не мало здѣсь ландшафтовъ (рис. 123—125), сценъ миѳологическихъ и бытовыхъ.

единены были въ одну книгу (синаксарь). Кому принадлежит первая заслуга въ этомъ дѣлѣ,—неизвѣстно. Извѣстно, правда, что въ X столѣтїи собранїемъ житїй святыхъ занимался Симеонъ Метафрастъ, но его житїя не имѣютъ редакціоннаго сходства съ лицевыми минологїями; вѣрно лишь то, что лицевой минологїей къ IX—X вѣку получили уже значительную полноту.—Лучшїй образецъ греческаго мино-

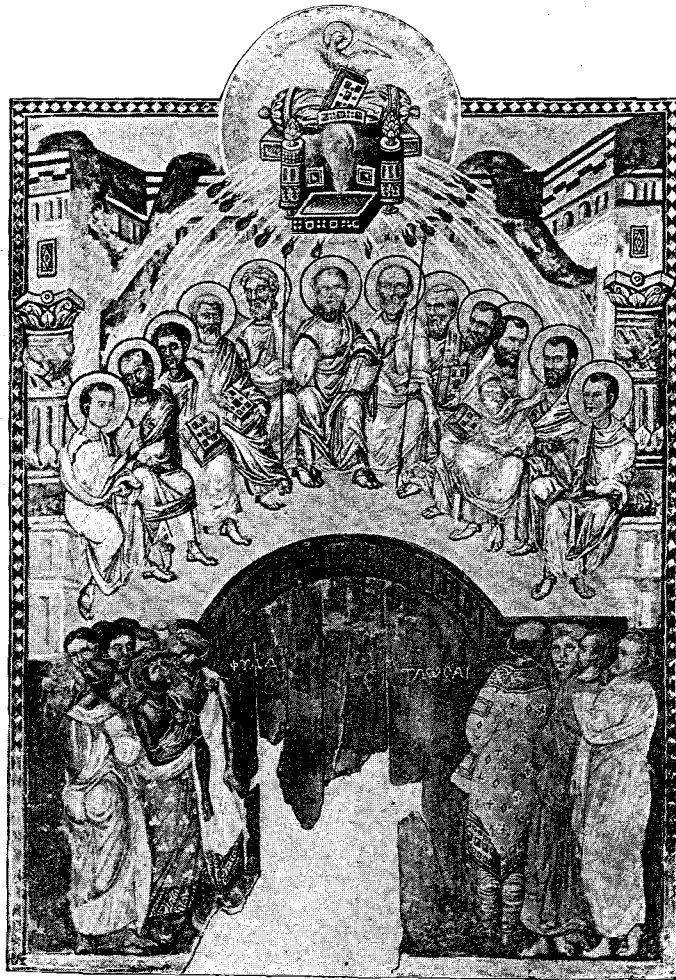

Рис. 122. Мюн. код. Григорїа В.—сошествїе Св. Духа на апостоловъ.

логїя находится въ Ватиканской библіотекѣ. Онъ составленъ по волѣ византїйскаго императора Василїя и потому въ прежнее время носилъ названїе минологїя Василїя Македонянина. Но это ошибка, достаточно разъясненная въ археологической литературѣ. Упоминаемый въ началѣ минологїя императоръ Василїй былъ не Василїй Македонянинъ.

Это видно, во 1-хъ, изъ того, что императоръ Василиій названъ здѣсь порфиророднымъ (*ἄλιος παρφόρος, τὸ θρέμμα τῆς ἀλοοργίδος*), но этотъ эпитетъ

Рис. 123. Мин. аеонопантелеймоновскаго код. Григорія Б.

усвоился только тѣмъ лицамъ, которыя родились отъ царей; между тѣмъ Василиій Македонянинъ не былъ сыномъ царя; во 2-хъ, въ ватиканскомъ минологіи встрѣчаются имена святыхъ, скончавшихся послѣ Василия Македонянина, и рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній считать эти имена позднѣйшею вставкою; таковы: Теофанія, жена императора Льва Философа († 892 г.), Стефанъ, патріархъ константинопольскій († 893 г.), Антоній Кавлей, патріархъ константинопольскій († 895) и Петръ Аргосскій ¹⁾. Въ виду этого подѣ именемъ императора Василия въ ватиканской рукописи нужно разумѣть императора Василия II-го порфиророднаго, вѣнчаннаго на царство въ 960-мъ году и царствовавшаго съ 967 года.— Ватиканскій минологіи писанъ на пергаментѣ, въ форматѣ большого листа, и содержитъ въ себѣ мѣсяцы — отъ сентября по февраль.

Рис. 125. Мин. аеонопантелеймоновскаго код. Григорія Б.

Въ немъ находится 430 весьма цѣнныхъ миниатюрныхъ изображеній. Общій художественный приѣмъ здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ: въ центрѣ, обыкновенно, помѣщается главное лицо, а по сторонамъ его — лица второстепенныя. Сцена обрамляется зданіями съ портиками и занавѣсками. Необыкновенно тщательною отдѣлкою отличаются всѣ малѣйшія детали изображеній, повсюду замѣтно стремленіе къ натурализму, особенно ярко обрисовывающемуся въ кровавыхъ сценахъ мученій. Вы видите здѣсь мускулистаго палача съ занесеннымъ надъ головою святого мечемъ, видите ручьемъ текущую кровь и... въ этомъ натурализмѣ главная цѣль художника.

Во 2-хъ, въ ватиканскомъ минологіи встрѣчаются имена святыхъ, скончавшихся послѣ Василия Македонянина, и рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній считать эти имена позднѣйшею вставкою; таковы: Теофанія, жена императора Льва Философа († 892 г.), Стефанъ, патріархъ константинопольскій († 893 г.), Антоній Кавлей, патріархъ константинопольскій († 895) и Петръ Аргосскій ¹⁾. Въ виду этого подѣ именемъ императора Василия въ ватиканской рукописи нужно разумѣть императора Василия II-го порфиророднаго, вѣнчаннаго на царство въ 960-мъ году и царствовавшаго съ 967 года.— Ватиканскій минологіи писанъ на пергаментѣ, въ форматѣ большого листа, и содержитъ въ себѣ мѣсяцы — отъ сентября по февраль.

Рис. 124. Мин. аеонопантелеймоновскаго код. Григорія Б.

Въ немъ находится 430 весьма цѣнныхъ миниатюрныхъ изображеній. Общій художественный приѣмъ здѣсь состоитъ

въ слѣдующемъ: въ центрѣ, обыкновенно, помѣщается главное лицо, а по сторонамъ его — лица второстепенныя. Сцена обрамляется зданіями съ портиками и занавѣсками. Необыкновенно тщательною отдѣлкою отличаются всѣ малѣйшія детали изображеній, повсюду замѣтно стремленіе къ натурализму, особенно ярко обрисовывающемуся въ кровавыхъ сценахъ мученій. Вы видите здѣсь мускулистаго палача съ занесеннымъ надъ головою святого мечемъ, видите ручьемъ текущую кровь и... въ этомъ натурализмѣ главная цѣль художника.

¹⁾ Архіел. Сергій, Агіологія I, 228.

написанъ неблагоговящею рукою; иконописцы же писаша по три утра, и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня иконнымъ писцомъ глаголющъ: писари, писари, о писари! не пишете Мя благоговящею рукою (напишите Мя сжатою рукою); Азъ бо въ сей рѣчь Моей сей великій Новградъ держу; а когда сія рука Моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе. Мѣра тому Спасову образу; отъ вѣнца до пояса полъ 4 сажени, а около вѣнца 43 пяди, носу длина полъ 4 пяди, рука сжатая длань 6 пядей, устамъ полторы пяди, очи полъ 2 пяди, а простертая длань 8 пядей; подпись Исусъ Христосъ по 14 пядей; архангелы и херувимы надъ окны написаны стояще по 16 пядей, а пророцы написаны промежь оконъ стоящии по 18 пядей мѣрныхъ, а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 сажень, а отъ Спасова образа ото лбу до мосту церковнаго 15 сажень мѣрныхъ. А писали Спасова образа годишное время и болѣ 1)¹⁾. Извѣстіе это характеризуетъ обычные приемы нашихъ лѣтописцевъ, когда идетъ рѣчь о памятникахъ искусства: лѣтописецъ отмѣчаетъ въ памятникѣ то, что особенно поражаетъ наблюдателя или грандіозностію размѣровъ, или блескомъ драгоценныхъ матеріаловъ, или какими-либо чудесными событіями, сопровождавшими ихъ сооруженіе. Все это имѣетъ свою важность, но для насъ въ данномъ случаѣ еще важнѣе мимоходомъ брошенныя замѣчанія о цареградскихъ художникахъ и о размѣщеніи изображеній въ куполѣ: изъ этихъ намековъ становится яснымъ, что въ куполѣ изображенъ былъ Пандократоръ, ниже надъ окнами купола архангелы, въ барабанѣ—пророки. Извѣстіе это подтвердилось произведенною недавно расчисткою собора: въ куполѣ и трибунѣ подъ новѣйшею живописью найдены превосходныя фрески XI в.

Блестящій образецъ фресковой росписи представляетъ церковь *Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода*, построенная въ 1198 г. Въ повгородской лѣтописи подъ 6706 г. записано: «князь великій Ярославъ сынъ Владимиръ, внукъ Мстиславъ, заложилъ церковь камени во имя святаго Спаса Преображенія, въ Новѣгородѣ въ Нередицахъ. И начаша мастера дѣлати іюня въ 8 день, на память св. Теодора, а скончаша мѣсяца Сентября» 2)²⁾. Въ такой короткій срокъ времени 3)³⁾, впрочемъ, не необычайный для того времени, церковь могла быть построена только вчернѣ; росписаніе ея произведено было въ слѣдующемъ году: «въ лѣто 6707,—продолжаетъ лѣтописецъ,—исписаша церковь святаго Спаса въ Нередицахъ». Это единственное извѣстіе въ

¹⁾ Лѣтопись новгород. церк., изд. Археограф. комм., стр. 181—182.

²⁾ Новгор. лѣтоп., изд. Археогр. ком., стр. 13, стр. 197.

³⁾ Ср. Каменная церковь Преображенія въ Старой Русѣ построена въ 70 дней; тамъ же стр. 198. Церковь трехъ отроковъ въ Новгородѣ построена въ четыре дня; церкви деревянныя строились иногда въ одинъ день (обыденныя); ср. *Е. Е. Голубинскій*, *Исторія русск. Ц.*, I, ч. 2, стр. 80.

лѣтописяхъ о настѣнномъ письмѣ Нередицкой церкви; дальнѣйшая исторія стѣнописи остается неизвѣстною. Подъ 1543 годомъ упоминается въ лѣтописи о пожарѣ въ Преображенской церкви, но пожаръ этотъ не распространялся на всю церковь Спаса, а только повредилъ верхнія части ея до плечъ, и потому фрески остались цѣлыми. Настоящій видъ ихъ, равно какъ и палеографическіе признаки ихъ надписей не позволяютъ признать ихъ произведеніемъ и даже реставраціею XVI вѣка. Тѣмъ не менѣе, то, признанное въ настоящее время, положеніе, что онѣ уцѣлѣли безъ возобновленій въ томъ видѣ, какой имѣли до 1200 года, нельзя считать выполненъ доказаннымъ. Положеніе это основывается прежде всего на свидѣтельствѣ лѣтописи, а затѣмъ подкрѣпляется и иными соображеніями: сюда относятся надписи, начарапанныя на томъ же грунтѣ, на которомъ находятся фрески, и указывающія на XIII-е столѣтіе. На столбѣ, между діаконикомъ и алтаремъ (южная сторона столба) начарапано: «въ лѣто 6787 (1279) мѣсяца октября 7 преставися рабъ Божій Кириллъ на память св. Сергія, а 9 день жена его преставися Оксинія. Господи, помози рабу Твоему Кириллу и Оксиніи». Подобная же надпись, сдѣланная тѣмъ же шрифтомъ, находится на югозападномъ столбѣ церкви: «въ лѣто 6762 (1254) мѣсяца Генваря 29 преставися рабъ Божій Козьма Ивановичъ»¹⁾. Но какъ эта, такъ и другая надпись относятся уже ко 2-й половинѣ XIII вѣка; слѣдовательно, онѣ не ручаются за то, что въ продолженіе слишкомъ 50 лѣтъ, протекшихъ отъ времени первоначальнаго написанія фресокъ, не было произведено здѣсь реставрацій: фрески по тѣмъ или другимъ причинамъ могли потребовать исправленія, и указанные надписи могли быть начарапаны не на первоначальномъ грунтѣ, но исправленномъ. Допустимъ даже, что это грунтъ первоначальный, тѣмъ, не менѣе всетаки этимъ не исключается возможность исправленія фресокъ, состоявшаго, напр., просто въ освѣженіи красокъ, исправленіи испорченныхъ мѣстъ безъ поновленія цѣлаго грунта; исправленіе этого рода могло имѣть мѣсто даже спустя долгое время послѣ 1279 г. (дата второй надписи). Наконецъ, не нужно опускать изъ вниманія и того, что начарапанныя на внутреннихъ стѣнахъ Нередицкой церкви многочисленныя надписи не были доселѣ никѣмъ провѣрены критически ни со стороны внутренняго содержанія, ни со стороны палеографической, что составляетъ одну изъ неотложныхъ частныхъ задачъ русской археологіи, а потому мы и не можемъ усвоить имъ рѣшающаго значе-

¹⁾ Если послѣдняя надпись можетъ означать мѣсто погребенія мирянина подлѣ югозападнаго столба церкви, то первая не можетъ имѣть такого значенія; допустить, чтобы женщина могла быть погребена въ алтарѣ или діаконикѣ мужского монастыря,—слишкомъ трудно... Надпись, вѣроятно, сдѣлана для памяти кѣмъ-либо изъ почитателей умершихъ лицъ, можетъ быть лицомъ духовнымъ, мѣстнымъ монахомъ, и могла служить напоминаніемъ о времени кончины этихъ лицъ, нужнымъ для поминовенія на литургіи.

ня въ вопросѣ о цѣлости первоначальныхъ Нередицкихъ фресокъ. Осторожность не излишняя въ виду соображеній, о которыхъ рѣчь ниже. Другимъ признакомъ цѣлости первоначальныхъ фресокъ служить, повидимому, изображеніе русскаго князя съ надписью на свиткѣ (рис. 161). Надпись издана и обслѣдована И. И. Срезневскимъ въ извѣстіяхъ И. Р. Археол. Общества ¹⁾, текстъ ея слѣдующій: «...въ ²⁾ о боголюбивый княже второй Всеволодъ злыя обличая добрыя любя правыя кормя и вся церковныя чины и монастырскія лики милостивны имая, но милостивче, кто твоя добродѣтели можетъ исчезти, но даждь

Рис. 161. Фреска Спасо-Нередицкой церкви.

Богъ цесарствіе небесное съ всѣми святыми, угодшими ти въ безконечныя вѣки, аминь» ³⁾. Ученый издатель надписи съ полною достовѣрностію полагаетъ, что этотъ князь есть не кто иной, какъ Ярославъ Владиміровичъ, который построилъ Нередицкую церковь. Князь держитъ въ рукахъ модель построенной имъ церкви: это обычная иконографическая форма для изображенія ктиторовъ въ храмахъ византийскихъ и даже грузинскихъ. Находящуюся при этомъ изображеніи надпись И. И. Срезневскій относитъ ко времени до 1200 года,—слѣдовательно, къ тому же времени, повидимому, нужно отнести и изображе-

¹⁾ Изв. И. А. Р. О. 1863 г. т. IV, стр. 201—205.

²⁾ Въ оригиналѣ стоитъ не въ, а нъ.

³⁾ Орфографія не соблюдена.

ніе князя. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ считать вопросъ этотъ окончательно рѣшеннымъ. Покойный Прохоровъ, усмотрѣвъ на головѣ Ярослава въ фрескѣ Нередицкой подобіе татарской фески, усомнился относительно времени происхожденія этого изображенія и рѣшилъ отмыть верхній слой фрески. Предположеніе о фрескѣ оказалось ошибочнымъ, но промывка привела къ важному открытію: въ изображеніи оказались слѣды поновленій; подъ верхнимъ изображеніемъ князя открылось другое первоначальное изображеніе. Но если потребовалась реставрація для изображенія князя, то возможно предположить ее и для остальныхъ стѣнописей храма; не легко понять, почему предпринята была реставрація одной фигуры; если фигура эта обветшала, то должны были къ тому времени обветшать и другія. Какъ произведена была реставрація? Полагаемъ, что весьма осторожно: это подтверждается съ одной стороны сравненіемъ изображенія Ярослава первоначальнаго съ подновленнымъ, съ другой—тѣмъ, что не смотря на тщательные поиски и наблюденія, слѣдовъ реставраціи въ священныхъ изображеніяхъ мы не нашли. Вѣроятно, фрески обновлены были по старымъ чертамъ. Время обновленія опредѣляется отчасти признаками палеографическими, которые указываютъ на XII—XIII вѣкъ, отчасти художественными и иконографическими. Ученый издатель надписи не видитъ съ палеографической точки зрѣнія препятствій отнести надпись къ XII вѣку; хотя замѣчаетъ, что «рисункъ нѣкоторыхъ буквъ этой надписи не совсѣмъ тотъ, что въ книгахъ того времени»; во всякомъ случаѣ, какъ надпись при изображеніи Ярослава, такъ и всѣ другія не позже XIII в. При изображеніяхъ святыхъ въ свиткахъ встрѣчаются греческія надписи. Стиль и подробности костюмовъ, за исключеніемъ русскаго костюма Ярослава, стоятъ ближе къ греческимъ памятникамъ, чѣмъ въ фрескахъ владимірскихъ соборовъ Дмитріевскаго и Успенскаго и приближаются къ остаткамъ древнѣйшихъ фресокъ Киево-Кирилловскаго монастыря. Въ виду сказаннаго мы склонны видѣть въ Нередицкихъ фрескахъ памятникъ XII в., возобновленный очень осторожно въ XIII в. Въ цѣломъ Нередицкія фрески представляютъ рѣдкое явленіе въ ряду другихъ памятниковъ фресковой живописи. По обилію иконографическихъ сюжетовъ и типовъ, удовлетворительной сохранности и отсутствію новѣйшихъ исправленій, онѣ превосходятъ почти всѣ извѣстные доселѣ памятники фресковой росписи въ Византіи и Россіи до XV в. Грунтъ весьма крѣпкій съ примѣсью пеньки, сообщающей ему особенную вязкость¹⁾. Стиль византійскій, сюжеты и типы, за исключеніемъ кн. Ярослава, византійскіе; надписи вертикальныя, отчасти греческія, напр. Іω. Πρόδρομος; краски довольно блѣдныя;

¹⁾ То же самое и въ остаткахъ фресокъ Благовѣщенской церкви на Городищѣ близъ Новгорода.

въ средней части храма онѣ болѣе сильны и плотны, чѣмъ въ алтарѣ; фигуры правильныя, византійскія величественныя; выраженіе лицъ серьезное, даже строгое; сильныхъ анатомическихъ погрѣшностей не замѣтно; но аскетическая тенденція обнаруживается повсюду: въ морщинахъ между бровями, около носа и особенно на лбу; въ алтарѣ фигуры крупнѣе и короче (6 головъ), чѣмъ въ средней части храма (8 го-

Фрески Спасо-Нередицкой церкви.

Рис. 162. Давидъ.

Рис. 163. Соломонъ.

ловъ); всѣ святители въ фелоняхъ, съ короткими волосами. Медальонныя изображенія въ аркахъ напоминаютъ существующія изображенія въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора. Поврежденія коснулись отчасти фресокъ алтаря, гдѣ повреждены изображенія апостоловъ въ тайной вечери; особенно же верхнихъ частей—сводовъ, купола и стѣнъ. Это могло произойти прежде всего, во время пожара, бывшаго здѣсь 12 мая 1543 года.

Размѣщеніе изображеній въ Спасо-Нередицкой церкви весьма типично. Въ куполѣ, согласно древнѣйшему византійскому обычаю, изображенъ Иисусъ Христосъ въ разноцвѣтномъ кругѣ (небесныя сферы),

поддерживаемомъ ангелами; нѣсколько ниже изображены апостолы въ оживленныхъ позахъ: взоры ихъ обращены вверхъ къ Спасителю; иные въ движеніи, воздѣваютъ руки; жесты эти и позы находятъ свое объясненіе въ фрагментахъ подписи вокругъ купола: «все языцы воспещите руками...» (Пс. XLVI, 2). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что живописецъ, изображая эту картину, держалъ въ памяти конкретный фактъ вознесенія Спасителя на небо: за это ручается какъ характеръ иконографической композиціи, такъ и продолженіе псалма, изъ кото-

Рис. 164. Фреска Передницкой ц. Нерукотворенный образъ.

раго заимствована надпись: «взыде Богъ въ воскликновени, Господь во гласѣ трубнѣ»; текстъ этотъ и въ экзегетической литературѣ и въ памятникахъ византійской и русской иконографіи прилагался именно къ событію вознесенія Господня. Ниже апостоловъ—пророки, а въ парусахъ сводовъ Евангелисты; съ восточной и западной сторонъ на ребрахъ арокъ два изображенія Нерукотвореннаго образа (рис. 164). Слѣдовательно, въ убранствѣ купола мы имѣемъ изображеніе небесной церкви подъ формами, почти неизмѣнно повторяющимися въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Въ зенитѣ алтарнаго свода изображенъ

Иисусъ Христосъ *въ видѣ старца* съ сѣдою бородою и волосами: изображеніе это погрудное, въ медальонѣ: Спаситель съ благословляющею десницею и свиткомъ въ шуйцѣ, глава Его украшена крестообразнымъ нимбомъ, въ которомъ написаны извѣстныя буквы *ѠѠ*; по сторонамъ изображенія—надпись:

Іс	Хс
вѣтх	днх
хы	лх
и	и.

Надпись и атрибуты изображенія ясно показываютъ, что здѣсь изображень именно Иисусъ Христосъ. Сѣдина въ Его волосахъ и бородѣ означаетъ то, что здѣсь Онъ представленъ какъ ветхій денми, что прямо отмѣчено и въ надписи. Здѣсь мы имѣемъ рѣдкую иконографическую

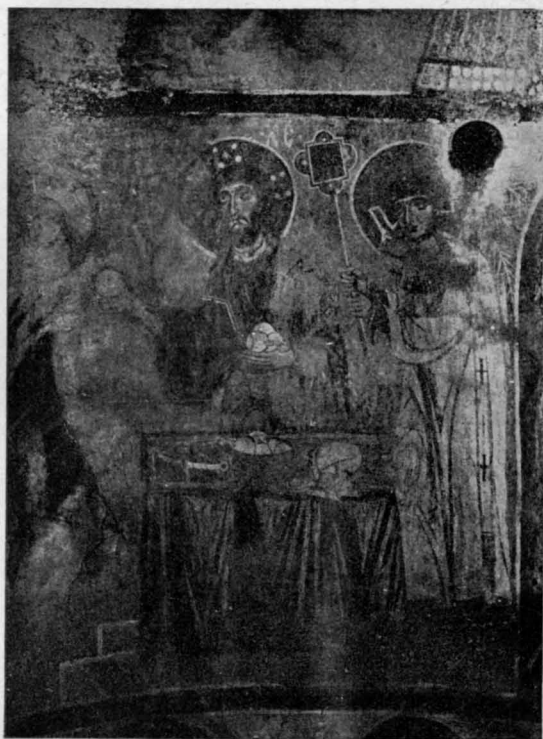

Рис. 165. Евхаристія.

Рис. 166. Св. Петръ Александр.

Фрески Спасо-Нередицкой церкви.

форму, характеризующую отношеніе нашего искусства къ изображенію Бога Отца и къ толкованію таинственныхъ мѣстъ Св. Писанія. Извѣстное пророчество Даніила «престоли поставишася и ветхій денми сѣде» (Дан. VI, 9; ср. XIII, 22) истолковано здѣсь въ примѣненіи къ Сыну Божію, какъ истолковано оно и отцами московскаго собора 166⁶/₇ г.

Возлѣ изображенія «ветхаго денми» представлены два архангела Михаилъ и Гавріилъ съ жезлами въ десницахъ и съ шарами, въ которыхъ начертанъ крестъ съ обычными надписями ІС ХС НИКА (печать Бога живаго); далѣе по направлению ко лбу алтарной апсиды изображено уготованіе престола. Во лбѣ апсиды—Богоматерь въ пурпуровой мантии и голубой туникѣ, съ бѣлымъ платочкомъ за поясомъ. Въ нѣдрахъ Ея медальонное изображеніе Божественнаго Младенца, съ благословляющею десницею, со свиткомъ въ шуйцѣ; руки Богоматери воздѣты, какъ въ кіево-софійскомъ изображеніи Нерушимой стѣны. Богоматерь стоитъ на подножіи, украшенномъ перлами; перлами украшены также Ея обувь, поручи и нимбъ Спасителя. Старческой типъ Богоматери и недостатокъ отчетливости въ исполненіи обличаютъ посредственнаго иконописца, копировальщика; но, несомнѣнно, что цѣлый типъ этого изображенія близко стоитъ къ той византійской школѣ, которая создала кіевскую Нерушимую стѣну. Ниже Богоматери въ алтарной апсидѣ — раздаяніе Иисусомъ св. хлѣба и чаши апостоламъ (рис. 165); еще ниже два ряда святителей; всѣ они въ крестчатыхъ фелоняхъ съ Евангеліями въ рукахъ. Въ полукружій жертвенника (съ сѣверной стороны алтаря) Богоматерь, а на стѣнахъ

Рис. 167. Фреска Спасо-Нередицкой церкви.

апостолы и св. мужи: Діонисій, Іаковъ Алфеевъ, Мина, Петръ Александр. (рис. 166) и др., а въ сводѣ едва замѣтныя изображенія изъ жизни Богоматери; въ діаконикѣ однѣ св. жены: муч. Христіна въ роскошной діадимѣ съ драгоценными привѣсками, въ царскихъ одеждахъ, съ крестомъ въ правой рукѣ и простертою лѣвою дланью; св. Екатерина (рис. 167) въ подобныхъ же одеждахъ, Агаѳія, Зиновія, Устиція и др. Это распределеніе изображеній жертвенника и діаконика имѣетъ свое основаніе въ томъ, что первый никогда не былъ доступенъ для женщинъ: онъ есть мѣсто священнослужащихъ; наоборотъ въ діаконикѣ допускались и діакониссы.

Въ средней части храма важнѣйшія мѣста заняты изображеніями двенадцатыхъ праздниковъ. На сѣверной стѣнѣ въ нижнемъ ряду между алтарными и средними столбами введеніе Богоматери во храмъ: первосвященникъ простираетъ руки къ идущей къ нему Богоматери, за которою слѣдуютъ Іоакимъ и Анна и группа дѣвъ съ вѣнками на головахъ. На заднемъ планѣ портикъ іерусалимскаго храма: здѣсь си-

дять Богоматерь, а ангелъ приносить ей пищу; въ томъ же ряду ближе къ иконостасу срътеніе (рис. 168): Іосифъ держитъ въ рукахъ клѣтку съ птицами; впереди него Богоматерь держитъ Іисуса Христа, далѣе престоль съ киворіемъ и Симеонъ Богопріимецъ, простирающій къ Спасителю руки, задрапированныя въ плащъ; за Симеономъ праведная Анна. Въ верхнемъ ряду окна распятіе: крестъ восьмиконечный; ноги Спасителя поставлены на поперечной косою балкѣ, тѣло въ изогнутомъ положеніи; титла нѣтъ; также не видно ни Адамовой главы,

Рис. 168. Фреска Спасо-Нередицкой церкви.

ни Голговы; вверху два ангела; внизу съ одной стороны двѣ св. жены, съ другой Іоаннъ Богословъ и воинъ; ближе къ иконостасу снятіе со креста. Надъ этими изображеніями на сѣверномъ склонѣ церковнаго свода воскрешеніе Лазаря: Лазарь въ видѣ спеленатой муміи стоитъ возлѣ пещеры; Іисусъ Христосъ простираетъ къ нему руку; ближе къ иконостасу воскресеніе Христово: Іисусъ Христосъ на вратахъ адовыхъ, по сторонамъ Его Адамъ и Ева; вверху подлѣ главы Іисуса Христа ангелъ. На восточномъ фасѣ сѣверозападнаго столпа рождество Богородицы: св. Анна на постели въ полулежачемъ поло-

женіи, направо двѣ женщины съ сосудами, внизу двѣ женщины омывають Богоматерь въ купели; на лѣво въ особомъ помѣщеніи за драпировкою стоитъ служанка. На южной стѣнѣ: внизу крещение Спасителя въ Иорданѣ: Иисусъ Христосъ стоитъ въ водѣ съ благословляющею десницею, у ногъ Его восьмиконечный крестъ съ надписью **Іс Хс**; Іоаннъ Предтеча возлагаетъ десницу на главу Иисуса Христа. На заднемъ планѣ—горы; сверху изъ-за горъ (слѣва) выставляются два ангела съ покрывалами въ рукахъ; съ правой стороны Спасителя еще два ангела съ такими же покрывалами; внизу съ лѣвой стороны группа людей сидящихъ: одинъ только что снялъ верхнее платье (кисть его правой руки еще въ рукавѣ), другой съ сумкою чрезъ плечо снимаетъ сапоги, третій бросился въ воду и плыветъ къ Иисусу Христу; изображенія Св. Духа нѣтъ. Гористый ландшафтъ оживленъ егудною растительностію. На той же южной стѣнѣ находится и вышеупомянутое изображеніе русскаго князя Ярослава Владиміровича: князь представленъ въ видѣ пожилого человѣка съ длинною сѣватою бородою; на плечахъ его накинута безрукавный княжескій узорчатый костюмъ съ застежкой на правомъ плечѣ; на головѣ его шапка съ мѣховымъ околышемъ; на ногахъ сапоги. Въ правой рукѣ онъ держитъ модель построеннаго имъ небольшого храма, имѣющаго видъ прямоугольника съ одною алтарною апсидою и византійскимъ куполомъ. Онъ подноситъ этотъ храмъ Спасителю, Который сидитъ на тронѣ и благословляетъ подносящаго. Мы уже замѣтили, что иконописецъ повторилъ въ этомъ изображеніи довольно распространенную въ византійской иконографіи схему; но для изображенія русскаго князя въ русскомъ костюмѣ, съ церковію, мы не знаемъ ни одного образца въ памятникахъ русской иконографіи ранѣе XII в. Изображеніе княжескаго семейства въ Изборникѣ Святослава имѣетъ иной характеръ. Поэтому въ описанномъ изображеніи мы видимъ одну изъ древнѣйшихъ попытокъ приспособленія добытыхъ знаній къ представленію русскихъ національныхъ сюжетовъ. Попытка, правда, очень слабая, тѣмъ не менѣе въ ней замѣтна наблюдательность и умѣнье въ передачѣ характерныхъ особенностей костюма. Продолженіе цикла праздниковъ находится на хорахъ: здѣсь живопись сильно повреждена.

Внизу на западной стѣнѣ страшный судъ. Въ срединѣ картины художникъ представилъ Христа Судію въ миндалевидномъ ореолѣ, съ простертыми дланями; по сторонамъ Его Богоматерь и Предтеча въ обычномъ молитвенномъ положеніи и 12 апостоловъ на престолахъ съ книгами въ рукахъ; позади апостоловъ 12 ангеловъ. По правую сторону апостоловъ два ангела—одинъ трубитъ внизъ, другой вверхъ; нѣсколько ниже мертвые встаютъ изъ гробовъ; архангелъ Михаилъ свертываетъ небо, представленное въ видѣ свитка съ изображенными на немъ солнцемъ и луною. Подъ трономъ Спасителя уготованіе пре-

стола, подлѣ котораго направо Адамъ и Ева колѣнопреклоненные, а далѣво ангелъ съ праведными вѣсами и душою въ видѣ маленькой человѣческой фигуры; далѣе, налѣво семь превосходныхъ группъ праведниковъ: ликъ апостоловъ, ликъ пророковъ, мучениковъ, отцевъ въ крестчатыхъ фелоняхъ, черноризцевъ, свв. женъ и еще одна группа, въ которой находится и ап. Павелъ (?); впереди этой группы ап. Петръ съ ключемъ. Первые шесть группъ обращены къ трону Спасителя, т. е. къ центру картины, а послѣдняя направляется въ противоположную сторону, очевидно, къ раю. Рай изображенъ отчасти надъ этими группами, отчасти на южной стѣнѣ: въ уровень съ апостолами на престолахъ представлена Богоматерь также на престолѣ среди двухъ ангеловъ; рядомъ благоразумный разбойникъ съ перевязкою по чресламъ. Продолженіе картины рая на южной стѣнѣ: здѣсь среди деревьевъ изображенъ Авраамъ съ душою праведнаго на лонѣ, украшенно нимбомъ; подлѣ Авраама кучка другихъ душъ. Адъ представленъ съ правой стороны: рядомъ съ Адамомъ и Евою сидитъ на звѣрѣ сатана—огромный старикъ съ длинными усами и щетинистыми волосами; онъ держитъ на рукахъ Иуду. Продолженіе на сѣверной стѣнѣ: пять ящиковъ съ выставляющимися изъ нихъ человѣческими головами означаютъ мученія грѣшниковъ (шаблонъ); ниже евангельскій богачъ въ огнѣ. Нельзя сказать, чтобы эта картина отличалась правильностію и послѣдовательностію въ расположеніи частей; по мѣстамъ недостаетъ симметріи; нѣкоторыя части, какъ напр. сатана съ Иудою, поставлены не на своихъ мѣстахъ. Но въ отношеніи полноты частей и ихъ сохранности она представляетъ явленіе рѣдкое: это первый по древности образецъ *полной* картины страшнаго суда *въ стѣнописяхъ*.

Кромѣ сложныхъ композицій, въ средней части храма разбросано на столбахъ и аркахъ не мало отдѣльныхъ изображеній святыхъ: мучениковъ, мученицъ, преподобныхъ и столпниковъ.

Фрески Спасо-мирожскаго собора. По археологической важности и художественнымъ достоинствамъ близко къ фрескамъ Спасо-нередицкимъ стоятъ фрески Спасо-мирожскаго монастыря въ Псковѣ.

Не легко съ точностію опредѣлить, къ какой національности принадлежали исполнители этихъ фресокъ,—были ли это греки или русскіе; да въ этомъ нѣтъ и особенной нужды. Достаточно знать, что всѣ композиціи въ названныхъ фрескахъ представляютъ собою болѣе или менѣе вѣрныя копіи съ греческихъ образцовъ; типы лицъ—греческіе; костюмы также традиціонные византійскіе; даже надписи, уцѣлѣвшія *отчасти* при нѣкоторыхъ изображеніяхъ, сдѣланы, повидимому, также по-гречески. Въ виду этого, основной характеръ памятника обрисовывается самъ собою, независимо отъ вопроса о національности исполнителей. Искусство здѣсь вполне греческое, хотя бы исполненіе и принадлежало русскимъ мастерамъ. Стиль фресокъ тотъ же самый, что и